

Реальную историю убийства коробейников в Мисковской волости, ставшую своеобразным преданием, записал со слов И. Г. Захарова А. Попов уже в 1920-е гг.: "Охотник этот был Давыд Петров из деревни Сухоруковой. Он встретил в своей деревне коробейников, направлявшихся напрямик через болота в село Закобякино Ярославской губернии, "надумал" их убить, чтобы забрать деньги, и проследил в лесу. Коробейники поняли, что не к добру оказался среди них как будто недавно виденный человек с ружьем, и просили оставить их. Когда Давыд убивал, то пастушок слышал выстрелы и крики. После убийства Давыд затащил одного убитого на дерево, другого спрятал под корни" (Попов А. Костромская основа сюжета "Коробейников" Н. А. Некрасова.-- В кн.: Ярославский альманах. Ярославль, 1941, с. 195).

В 1902 году сын Г. Я. Захарова, Иван Гаврилович, рассказывал, что «Коробейников» Некрасов «написал по тятинькину рассказу. Летом тятинька на охоте рассказал Николаю Алексеевичу, а через зиму Николай Алексеевич приехал и книжку стихов о коробейниках привез, тятеньке и подарил...». Согласно записи рассказа Ивана Гавриловича, сделанной о. Леонидом Парийским, история о коробейниках, легшая в основу некрасовской поэмы, выглядит так: «Был у нас мужик такой, хитрый, негодный, Давыд Петров из Сухорукова, из деревни, вот он и убил коробейников, ограбил, – с них и разжился, кабак имел; под конец Господь покарал – ослеп под старость. Тятинька и ружье-то, из которого Давыд застрелил коробейников, делал. Поднес тятинька Давыду да все и выспросил, как он убил.

– Вот, говорит, видят они, что я не с добром возле их – шли они напрямик, тропкой, из Сухорукова к Закобякину*, – отговаривать меня стали, а из одного стволика хлоп – только по-заячьи верескнул, из другого – снопиком повалился.

Тятенька такую ему взвесил: «Разве я по тебе ружье мастерил?».

По сообщению Ивана Гавриловича, убийство коробейников «произошло верстах в 20-ти от Шоды к востоку, к Молвитинской дороге, в Мисковской волости»**

По-видимому, властям об этом преступлении так и не стало известно, во всяком случае, в фондах Костромской палаты уголовного суда за вторую половину 50-х годов XIX века нам не удалось найти никаких следов уголовного дела по убийству коробейников.

Безусловной заслугой В. Н. Бочкова является то, что в ревизской сказке 1858 года среди жителей д. Сухоруково он нашел Давыда Петрова 35 лет, имевшего жену Настасью Лукьяновну и четырех детей: 14-летнего Ивана, 10-летнего Семена, 6-летнего Осипа и двухлетнюю Наталью. В ревизской сказке значится, что Давыд был подкидыш во дворе крестьянина Петра Васильева и его жены Настасьи Артамоновны. В. Н. Бочков пишет: «Положение подкидыша в старообрядческой деревне было вдвойне тяжело – они являлись париями, отщепенцами. В детстве Давыд, верно, натерпелся и наголодался. (...) Подкидышам не положен земельный надел, пришлось идти в лесники, содержать большую семью на грошовое жалованье. Из таких, как Давыд, и формировались ущербные типы, готовые на все, дабы “выбиться в люди”. Преступление он готовит обдуманно и, спокойно убив коробейников, не мучится угрызениями совести, а, наоборот, похвывается». Трудно сказать, насколько натерпелся и наголодался Давыд в детстве. Согласно ревизской сказке, у Петра Васильевича и Настасьи Артамоновны своих детей не было (отчего младенца Давыда и подбросили именно к ним), и вполне вероятно, что приемные родители вырастили его, как своего родного сына. Тяжелая доля выпадала тому подкидышу, которого усыновляла не конкретная семья, а вся деревня, т. е. «мир», делавшая это с целью отдать его со временем в рекруты вместо своих сыновей*.